

ДФ * 95.2
1338

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЬ

ИСТОРИИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-СЕДЬМОЙ ТОМЪ

ДѢВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

кн 5-6

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

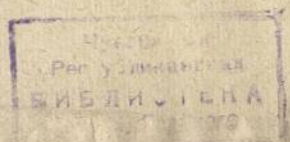
Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ
№ 7.

~~1882-р~~
САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

№-056192

1884

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ВОЛОСТИ

Очерки из жизни приволжскаго захолустья.

I.

Недавняя старина.

Задумавъ разсказать исторію одной волости, въ которой я прожилъ полъ-жизни, изо-дня въ день сталкиваясь съ сельскимъ людомъ и наблюдая его прошлое и настоящее экономическое положеніе, я твердо рѣшился не отступать отъ дѣйствительности, какъ бы ни была она неприглядна, а главное, забыть все, что писалось и пишется о деревенскомъ бытѣ, все, чему такъ охотно вѣрилось и такъ хотѣлось бы вѣрить. — Что же дѣлать, если большая часть преувеличенныхъ ожиданій и плѣнительныхъ иллюзій безвозвратно погибли, а на мѣсто ихъ остались отчасти уже забытые, или готовые забыться факты — на которыхъ мы и желали бы остановить вниманіе читателя, безъ всякой претензіи на общіе выводы и заключенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, задавшись мыслью разсказать то, что я видѣлъ и наблюдалъ своими глазами, какъ отражались въ глухомъ углу разнообразныя вѣянія, благія начинанія и мѣропріятія, какъ уживалось старое съ новымъ, я въ то же время ясно сознаю, что наблюденія, относящіяся къ извѣстной мѣстности нашего громаднаго отечества, при всей ихъ искренности и несомнѣнной правдивости, могутъ имѣть лишь относительную цѣну,

могутъ только служить матеріаломъ для людей, имѣющихъ возможность обсудить дѣло, съ точки зрѣнія болѣе общей, способныхъ отрѣшиться отъ всякихъ мѣстныхъ случайностей и особенностей—а главное, для людей, на которыхъ своеобразная глушь не наложила отпечатка, крайняго, часто переходящаго границы пессимизма, отъ котораго, по нашему наблюденію, не въ силахъ уберечься и спастись никто изъ провинціальныхъ обывателей и дѣятелей, обреченныхъ на болѣе или менѣе продолжительное пребываніе въ захолустѣ.

Мѣстность, о которой идетъ рѣчь, находится въ 60 верстахъ отъ губернскаго города, основаннаго въ 1648 году и обязаннаго своимъ существованіемъ мысли правительства провести черту, или укрѣпленную линію отъ рѣки Волги до рѣки Суры и далѣе, къ прежде устроенной тамбовской чертѣ, для охраненія русскихъ границъ отъ набѣговъ крымскихъ и ногайскихъ татаръ. Вся эта мѣстность въ настоящее время представляетъ плоскую ширь, разбитую на хозяйственные десятины, и только съ одной стороны безмѣрно распахнувагося горизонта, высится непрерывная цѣпь горъ, покрытыхъ чернолѣсьемъ. — Изъ этихъ синѣющихъ вдали горъ бѣжитъ ничтожный ключъ; все увеличиваясь, онъ, наконецъ, превращается въ небольшую рѣчку Пайдурку, десятки разъ перехваченную навозными плотинами съ обмельѣвшими, илистыми прудами и торопливо шумящими мельницами.

Подъ самымъ лѣсомъ у истока благодѣтельной рѣчки, приоткрылись три деревушки: Елизаветино, Софьевка и Аделевка, а также небольшое село Васильевка, съ старой каменной церковью и ежегодной ярмаркой, представлявшей событіе въ захолустной жизни. Самыя названія деревушекъ свидѣтельствуютъ, что они носили ихъ въ честь размножавшихся потомковъ мѣстныхъ дворянскихъ семействъ, въ большомъ количествѣ населявшихъ не только данную мѣстность, но и всю губернію, къ которой она принадлежала.

Въ Елизаветинѣ обитала бойкая вдова, порядочно жестокая съ крестьянами и приторно ласковая съ сосѣдами, воспитавшая цѣлое поколѣніе исправниковъ, покончившихъ свою дѣятельность уголовнымъ судомъ и ссылкой. Чуждая всякой застѣнчивости, всякихъ колебаній и сомнѣній, неутѣшная вдовица, съ непритворнымъ умиленіемъ и безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти вспоминала о томъ, какъ перебивалась на 24-хъ душахъ, до тѣхъ поръ, пока покойникъ не былъ назначенъ опекуномъ надъ двумя вѣнниками, и какъ потомъ онъ получилъ мѣсто уѣзднаго исправника.

Бѣдность и нищенскій видъ Елизаветина представлялъ контрастъ съ привлекательнымъ видомъ Софьевки и Аделевки, находившихся въ женскомъ, но далеко болѣе мягкомъ управленіи; между тѣмъ, какъ въ зажиточномъ селѣ Васильевкѣ благоденствовалъ старый недоросль изъ дворянъ, кое-какъ получившій первый чинъ и посвятившій всю свою жизнь вѣчной вознѣ съ цѣлымъ рядомъ крѣпостныхъ фей и съ своей, крайне эмансипированной по тому времени, супругой, то прилетавшей въ объятія супруга, то неожиданно ускользавшей изъ его объятій, съ новой дарственной записью въ рукахъ.

Далѣе, по р. Пайдуркѣ, тянулся цѣлый рядъ въ то время маленькихъ деревушекъ и поселковъ, лѣпившихся то на правомъ, то на лѣвомъ крутомъ берегу ея, съ верху до низу заваленномъ навозомъ. Тутъ находилась деревушка Баевка, съ помѣщикомъ Баевымъ, только что покинувшимъ Кавказъ и извѣстнымъ своей безумной отвагой; а за Баевкой, усѣлись на навозныхъ кучахъ, другъ противъ друга, небольшія поселки Глѣбовка и Шитовка, изъ коихъ первая состояла изъ трехъ, а вторая изъ пяти дворовъ населенныхъ общиной дворянъ Глѣбовыхъ и Шитовыхъ, то-есть бывшихъ когда-то дворянъ, мало-помалу обратившихся въ одноворцевъ, а потомъ въ крестьянъ. Начало этихъ общинъ относится къ царствованію царя Алексѣя Михайловича, и между актами 1671 — 1676 г. встрѣчаются челобитные Данилы Шитова и Григорья Глѣбова «о пожалованіи имъ въ помѣстье за службишку улишной земли по р. Пайдуркѣ».

Глѣбовы и Шитовы обладали достаточнымъ количествомъ земли, а ихъ просторныя избы, широкіе поднавѣсы, на толстыхъ дубовыхъ столбахъ, съ бродившими въ ихъ темныхъ и прохладныхъ закоулкахъ косматыми конями, выставленные въ лугахъ, около ветель, ряды ульевъ,—все это служило предметомъ зависти и удивленія сосѣднихъ крестьянъ.

Далѣе, на правомъ берегу рѣчки вытянулась въ струну весело глядѣвшая деревня Тепловка, противъ которой, изъ густыхъ липъ стараго сада, выступала красная крыша барскаго дома, съ двумя бѣлыми трубами.—Въ этомъ уютномъ, но очень похожемъ на ящикъ домѣ, обитала престарѣлая дѣвица Марья Митрофановна, замѣчательная въ своемъ родѣ женщина. Она уже лѣтъ сорокъ безвыѣздно жила въ своей Тепловокѣ, не знаясь съ сосѣдами, чуждая сплетень, и наслаждаясь жизнью по своему. Она страстно любила цвѣты, свой старый садъ, своихъ мужиковъ, возилась съ ихъ дѣтьми, наслаждалась хороходными и

свадебными пѣснями, радовалась малѣйшему признаку зажиточности своихъ крестьянъ, и вовсе не потому, что это доставляло ей деньги, а потому, что крестьяне замѣняли ей семью и составляли единственный предметъ вѣчныхъ заботъ и даже нѣкоторой гордости. Она рыдала въ три ручья, провожая рекрута, а если не находила виноватаго, то-есть въ чемъ-нибудь провинившагося мужика, то на послѣднiя деньги покупала чело-вѣка въ другихъ имѣнiяхъ, такъ какъ въ то время находились охотники для подобныхъ сдѣлокъ. Даже теперь, въ 83-мъ году, каждый мужикъ д. Тепловки, при одномъ имени Марьи Митрофановны, непременно скажетъ: «да, теперь хорошо, а тогда, при Марьѣ Митрофановнѣ, было еще лучше», что, впрочемъ, нисколько не помѣшало тѣмъ же самымъ мужикамъ забыть о существованiи самой могилы ихъ благодѣтельницы, очутившейся на выгонѣ и заросшей крапивой и бурьяномъ.

Далѣе, на высокомъ холмѣ, отдѣленномъ отъ сосѣднихъ дере-вешекъ двумя крупными оврагами, проживалъ бывшiй дворянинъ Журавлевъ или Журавленокъ, какъ называли его сосѣд-нiе мужики; семья его состояла изъ бойкой и умной жены, трехъ дочерей красавицъ и сына, разбитаго параличемъ идиота, не покидаваго полатей. Лѣтъ двадцать тому назадъ, еще живо было воспоминанiе о рыжемъ маюрѣ, дѣдушкѣ Журавленка, державшемъ себя, по выраженiю крестьянъ, «на дворянской аканцiи» и слышемъ забиюкой первой руки; но внукъ ничѣмъ не походилъ на дѣда и, не взирая на 150 десятинъ крѣпостной земли, работалъ за пятерыхъ, считаясь первымъ хозяиномъ и первымъ пьяницей во всемъ околоткѣ. — А между тѣмъ, въ 1676 году, одинъ изъ предковъ этого Журавленка, выпрашивая у государя Алексѣя Михайловича участокъ земли, на рѣчкѣ Пайдуркѣ, въ своей челобитной напоминалъ великому государю, «что онъ его царскiй холопъ Журавлевъ исполнялъ всякiя службы зимнiя и лѣтнiя въ польскихъ, литовскихъ, въ нѣмецкихъ и черкасскихъ городахъ, на многихъ бояхъ и присту-пахъ былъ, а какъ ходилъ изъ Смоленска за польскими людьми, то его холопа царскiе люди въ полонъ взяли и мучили много времени». — И вотъ, послѣ многихъ ратныхъ подвиговъ и повышений въ чинахъ, Журавлевы, когда-то вышедшiе изъ крестьянъ, снова возвратились въ народъ, что представляетъ весьма типичную подробность для исторiи нашего дворянства.

Тотчасъ же за оврагомъ прижалась наводящая унынiе де-ревня Бачмановка, поражавшая покачнувшимися и почернев-шими избами, обвалившимися трубами и тусклыми окнами, тоск-

ливо глядѣвшими изъ-подъ косматыхъ, насквозь прогнившихъ соломенныхъ крышъ. Здѣсь безгранично властвовалъ бывшій капитанъ Бачмановъ, перенесшій въ глухую деревушку всѣ ротные порядки того безпощаднаго времени, вмѣстѣ съ страстью къ экзекуціямъ, исполненіе коихъ никому безъ себя не довѣрялъ. Виновныхъ приводили на барскій дворъ, выходилъ капитанъ въ засаленномъ бухарскомъ халатѣ и татарской ермолкѣ, усаживался на крыльцѣ и, попивая чай и потягивая изъ длиннаго чубука, съ видомъ знатока приступалъ къ экзекуціи, ни на минуту не переставая поучать и наставлятъ, благимъ матомъ вопившаго мужика.— «Слава тебѣ Творцу Небесному, какъ вышла воля, такъ и пѣсни на Бачмановскомъ дворѣ порѣшились» — съ добродушнымъ смѣхомъ вспоминали потомъ обыватели окрестныхъ поселеній, только-что не ежедневно наслаждавшіеся даровыми концертами.

Противъ Журавлевки и Бачмановки, на противоположномъ берегу р. Пайдурки, на широкой, зеленой площади, съ бѣлой церковью по срединѣ, точно городокъ, раскинулось село Никольское, съ примыкавшей къ нему деревней Большой-Карцовкой. Тутъ же на площади красовались потемнѣвшіе отъ времени барскіе хоромы, съ высокой крышей, покрытой мохомъ и громаднымъ, давно уже запущеннымъ садомъ, превратившимся въ грачевникъ, а въ небольшомъ пристроѣ, прилѣпившемся къ ветхимъ хоромамъ, помѣщался управляющій Никольскаго, Степанъ Савельевичъ Малеевъ, человѣкъ очень солидный, мягкій и вообще порядочный на видъ. Онъ былъ отпущенникомъ сосѣдней помѣщицы, когда-то обучался живописи, потомъ находился при городскомъ архитекторѣ, затѣмъ отданъ былъ на выучку къ пивницѣ землемѣру, а въ заключеніе сдѣлался управляющимъ значительнаго имѣнія и исполнялъ свое дѣло, если не лучше, то и не хуже другихъ управляющихъ, довольствуясь крайне скромнымъ вознагражденіемъ. — Изъ своего прошлаго, Степанъ Савельевичъ вынесъ кучу поверхностныхъ свѣденій, носился съ этимъ хламомъ, какъ съ какой-нибудь драгоценностью и свысока взиралъ не только на невѣжественныхъ крестьянъ, но и на столь же невѣжественныхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. Единственнымъ лицомъ, передъ которымъ видимо робѣлъ и терялся, полный чувства собственнаго достоинства, Степанъ Савельевичъ, былъ владѣлецъ с. Никольскаго, гвардіи полковникъ Алхазовъ, изрѣдка наѣзжавшій въ свою вотчину. Это былъ невообразимо величавый, гордый и пунктуальный баричъ, съ выставленной впередъ грудью и закинутой назадъ головой. Баринъ, привыкшій повелѣвать,

не терпѣвшій и не допускавшій возраженій, но въ то же время чуждый всякой несправедливости, всякаго притѣсненія или вымогательства, и горой стоявшій за своихъ мужиковъ, извѣстныхъ въ окрестности своимъ благосостояніемъ. Особеннымъ же довольствомъ отличался такъ называемый «красный порядокъ», выстроившійся противъ церкви и населенный первыми богачами въ селеніи, даже въ то время державшимися особнякомъ въ отношеніи своихъ односельцевъ.

Такой же, тотчасъ же бросавшейся въ глаза, зажиточностью отличалась и примыкавшая къ с. Никольскому деревня Большая-Карцовка, уже болѣе 30 лѣтъ находившаяся въ управленіи бурмистра, большого дипломата, тучнаго старика, не забывавшаго ни себя, ни барина, но при всемъ этомъ управлявшаго по-божески.

Въ трехъ верстахъ отъ Большой-Карцовки, находилась деревня Малая-Карцовка, состоявшая изъ 80 душъ и находившаяся подъ управленіемъ того же дипломата - бурмистра. Вдоль глубокаго оврага съ ничтожнымъ, мутнымъ ключкомъ на его днѣ, по одной сторонѣ вытянулись крѣпкіе амбары; по другой—нѣсколько болѣе двадцати исправныхъ сосновыхъ избъ, изъ числа коихъ были и двухъ-этажныя, съ разукрашенными крылечками и обитыми жестью воротами.—Тотчасъ же за избами зеленѣли конопляники, а за ними высилась такая сплошная, никогда не убывавшая, масса желтыхъ, сѣрыхъ и уже почернѣвшихъ отъ времени хлѣбныхъ копень, что ихъ и пересчитать было трудно.—Такимъ образомъ, Малая - Карцовка, даже и въ то привольное время, выступала изъ ряда вонъ по своей зажиточности, что же касается до такъ-называемыхъ «деревенскихъ богачей» по большей части раскольниковъ, то о ихъ капиталахъ, тщательно скрываемыхъ и далеко запрятанныхъ, ходили самые невѣроятные и преувеличенные слухи.

Старый вдовецъ Карцовъ, обладатель Большой и Малой Карцовой, былъ въ полномъ смыслѣ забубенный помѣщикъ, проживалъ въ сосѣднемъ уѣздѣ и только осенью наѣзжалъ въ имѣніе, чтобы разбудить мертвую степь звуками охотничьихъ роговъ и на всю зиму оставить въ глухомъ углу воспоминанія и разговоры о его лихихъ охотникахъ и первыхъ въ губерніи борзыхъ и гончихъ собакахъ.)

Пожилой, но вѣчно юный, вдовецъ, здалъ на руки своей сестры, старой восторженной дѣвицы, единственнаго сына, чувствительнаго мальчика уже двѣнадцати лѣтъ, проливавшаго слезы надъ «Фрегатомъ Надежды» Марлинскаго, а самъ, развер-

нувшись во всю ширь, задавалъ пиры на дѣлный уѣздъ, держалъ музыкантовъ, шутовъ, пѣсенниковъ и каждую зиму улеталъ въ Москву, чтобы наслаждаться игрой Мочалова и провожать его за-границу. А между тѣмъ, при неодолимой склонности закладывать и перезакладывать свои имѣнія, при страсти къ мотовству и кутежу, забубенный баринъ всю свою жизнь оставался идеально хорошимъ помѣщикомъ и съ крайней щепетильностью относился къ крестьянамъ и ихъ собственности.

Громадный оврагъ, о которомъ мы упомянули выше, отдѣлялъ Малую - Карцовку отъ небольшой деревушки бывшего удѣльнаго вѣдомства «Болодцы», на половину населенной русскими и новокрещенными въ православіе татарами, никогда не бывавшими въ церкви и специально занимавшимися конокрадствомъ. Наконецъ въ силу давности сосѣди до такой степени привыкли къ періодическимъ тревогамъ и къ тому, что мимо ихъ дворовъ, время отъ времени, проносились татары, съ только-что украденными лошадьми, что никто уже не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія, тѣмъ болѣе, что конокрады никогда не обижали ближайшихъ сосѣдей.

Возникало дѣло, пріѣзжалъ судебный слѣдователь, наводилъ справки о поведеніи татаръ, и убѣдившись, что поведеніе ихъ безукоризненно, уѣзжалъ обратно, ясно сознавая, что вся окрестность запугана и никто не рѣшится сказать правду — каждый себя бережетъ, трепещетъ за своихъ лошадей, за свое имущество. Такимъ образомъ, вслѣдствіе укоренившейся привычки, или особенностей русскаго характера, отношенія между конокрадами и мужиками, а также мелкими помѣщиками, ихъ ближайшими сосѣдами, представляли примѣръ невообразимой, въ наши дни, патріархальности. Татаринъ-конокрадъ былъ первымъ гостемъ на престольныхъ праздникахъ, а его откровенные рассказы о кражахъ и смѣлыхъ наѣздахъ слушались съ особымъ наслажденіемъ и сопровождались общимъ, только-что не одобрительнымъ смѣхомъ.

Въ очень близкомъ сосѣдствѣ съ селомъ Никольскимъ, находилась деревня Волковка, почти сплошь населенная раскольниками въ то время, такъ же какъ и въ наши дни, представлявшими вѣчную заботу для Никольскаго священника, совершавшаго всегда неудачныя покушенія возвратитъ заблудшихся овецъ въ свое стадо. Помѣщикъ Волковъ (владѣлецъ дер. Волковки) принадлежалъ къ самымъ виднымъ, до конца жизни молодымъ московскимъ кавалерамъ. Онъ изрѣдка показывался въ имѣніи и только для того, чтобы предаваться амурнымъ похождениямъ

и срывать полевые цвѣтки, къ которымъ питалъ особенную склонность, между тѣмъ, какъ все управленіе довольно большимъ имѣніемъ сосредоточивалось въ рукахъ его бывшего камердинера, женатаго на одной изъ десятка крѣпостныхъ фаворитокъ и очень ловко и старательно копировавшаго своего патрона. Аркадій Ивановичъ, такъ звали управителя, крестьянъ не притѣснялъ, держалъ себя ни дать ни взять, какъ провинціальный актеръ, исполняющій роли великосвѣтскихъ людей, почитывалъ романы Сю и Дюма, но болѣе всего былъ занятъ своими пестрыми панталонами въ клѣтку и своей тройкой, съ невѣроятно завивавшимися пристяжными. Ко всему сказанному остается добавить, что крестьяне деревни Волковки отличались особенной домовитостью и выдающеюся зажиточностью.

Выше Волковки, на пригоркѣ бѣлѣла каменная церковь села Ракитова, замѣчательнаго стройностью и опрятностью барской усадьбы, а также благообразностью въ видѣ выровненныхъ и бодро глядѣвшихъ крестьянскихъ избъ. Каждые три года наѣзжалъ въ село Ракитово помѣщикъ Ракитовъ, проживавшій или въ столицахъ, или за-границей. Отношенія его къ имѣнію, къ управителю имѣнія, ссыльному поляку, и вообще къ провинціальной жизни, были особенныя. Онъ искалъ полного уединенія, и никто кромѣ управителя, съ которымъ Ракитовъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, не проникалъ въ его заваленный книгами кабинетъ. Такимъ образомъ, Ракитовъ всегда оставался загадкой для сосѣдей, не одобрявшихъ его таинственнаго образа жизни и рѣшительно не знавшихъ, какъ опредѣлить и даже назвать занятія, которымъ онъ отдавался чуть ли не со школьной скамьи. Въ этомъ недоумѣніи не было ничего удивительнаго, такъ какъ литераторъ того времени, особенно въ захолустѣ, считался не то ученымъ, не то сумасшедшимъ, не то человѣкомъ опаснымъ и подозрительнымъ, не то шуткомъ гороховымъ. Полнымъ хозяиномъ Ракитова, съ его широкими, какъ море, полями, лугами и кудрявыми дубовыми рощами, съ незапамятныхъ временъ былъ управляющій имѣнія, плотный старикъ съ посѣдѣвшей бородой во всю грудь, съ орлинымъ носомъ и провидательнымъ, умнымъ взоромъ изъ-подъ нависшихъ бровей. Францъ Антоновичъ, тотъ часъ же переименованный мужиками въ Франта Антоновича, полякъ, давнымъ давно сосланный на Приволжье, при нѣкоторыхъ слабостяхъ, свойственныхъ полякамъ, обладалъ выдающимся, близко знакомымъ каждому непредубѣжденному человѣку качествомъ польскаго характера, и именно несокрушимымъ, неизмѣннымъ «говоромъ» въ самомъ благород-

номъ и возвышенномъ смыслѣ этого слова. Такое рѣдкое качество привлекало всѣхъ окружающихъ, и можно съ увѣренностью сказать, что въ теченіе десятковъ лѣтъ, въ данной мѣстности, не было человѣка болѣе популярнаго и уважаемаго, какъ Раки-товскій управляющій. Сосѣдніе помѣщики наперерывъ знакомились съ нимъ, а мужики и близкіе, и дальніе, давнымъ-давно рѣшили, что Франтъ Антоновичъ справедливый человѣкъ, и что сказалъ, то свято.

Параллельно съ рѣчкой Пайдуркой, протекала рѣчка Карабаевка, такая же узенькая, мелкая и столь же драгоценная въ безводной степи. На этой рѣчкѣ, въ четырехъ верстахъ отъ села Никольскаго, высились развалины бывшей суконной фабрики, и тутъ же въ ветхомъ, покосившемся домикѣ влачилъ свои дни ея основатель, помѣшавшійся на обогащеніи и въ конецъ разорившійся помѣщикъ Кочкарниковъ; а не вдалекѣ отъ бывшей фабрики въ полномъ смыслѣ благодушествовала оброчная деревушка Дубенка. Затѣмъ нѣсколько выше, по теченію рѣчки, точно громадный складъ дровъ, чернѣло невзрачное село Хапковка, принадлежавшее бывшему становому приставу Ключкову, женатому на помѣщицѣ Хапковой и вмѣстѣ съ женой и двумя ея сестрами только-что выпущенному изъ тюремнаго замка, гдѣ содержался по подозрѣнію въ отравленіи недоросля Хапкова. Три сестры, превосходившія другъ друга въ безобразіи, души не чаяли въ Ключковѣ, завоевавшемъ сердца ихъ своими курчавыми, густо напомаженными кудрями, небольшими, заплывшими жиромъ, но страстными глазами, а главнымъ образомъ — гитарой и удалыми цыганскими пѣснями, то-и-дѣло оглашавшими неуклюжій барскій домъ и со всѣхъ сторонъ обступившій его темный садъ.

Узенькая дорожка вела изъ села Хапковки къ лѣсу, о которомъ мы говорили выше... Еще двѣ, три версты, и вдругъ точно изъ земли выросла высокая колокольня села Лихачевки, а напротивъ горделиво высился и сіялъ свѣжей окраской, большой барскій домъ, свѣтло-розовый, съ бѣлыми колоннами, вычурными фронтонами и балконами, съ флигелями, оранжереями, безконечными заборами и цѣлымъ лѣсомъ липъ и акацій, смотрѣвшихся въ свѣтлыхъ прудахъ. А на другомъ концѣ селенія еще громадная, красивая крыша барскаго дома, съ такой же широкой и привольной обстановкой. Улица направо, улица налево, отъ околицы еще улица, самая широкая и длинная въ селеніи, ведущая къ церкви и барскому дому. Тѣсно прижавшись другъ къ другу стоятъ вереницы опрятныхъ избъ, разукрашенныхъ

рѣзными коньками и расписными ставнями, а позади ихъ тянутся непрерывные ряды хлѣбныхъ копенъ.

Братья Лихачевы, владѣльцы села Лихачевки, родовитые помѣщики, постоянно проводили лѣто въ деревнѣ, а въ глубокую осень неизмѣнно возвращались въ городъ, гдѣ у нихъ имѣлись собственные дома, на Дворянской улицѣ, съ такими же вычурными фронтонами, колоннами и балконами, какъ и въ деревнѣ, Лихачевы жили по старинному, кормили на-убой званыхъ и не званыхъ, славились знаменитыми поварами и кучерами, но еще болѣе красивыми горничными. Хозяйствомъ они почти не занимались, крестьянамъ благодѣтельствовали, въ ихъ мірскія дѣла не мѣшались, и только съ каждымъ годомъ плодились и множились, увеличивая и безъ того безчисленное множество кормилицъ, нянекъ, экономокъ, крестниковъ, крестницъ, фаворитовъ, фаворитокъ и всякой дворовой челяди, тѣсными, почти родственными узами связанной съ ихъ семействами. Добродушное, нѣсколько распущенное отношеніе Лихачевыхъ къ крестьянамъ перешло отчасти и къ ихъ управляющимъ, такимъ же благодушнымъ, цвѣтущимъ, ограниченнымъ и безпечнымъ, какими были господа. Съ своей стороны, мужики, громко прославляя добродѣтель Лихачевыхъ, десятки лѣтъ привыкали къ тому, чтобы съ каждой нуждой обращаться къ господамъ и получать желаемое, а также безъ зазрѣнія совѣсти ставить коней къ барскому овсу, во время сѣва, травить барскія озими и развозить по домамъ большую часть барской соломы и колоса, во время зимней, ручной молотбы, таявшейся не менѣе пяти мѣсяцевъ.

Тутъ же, около самой Лихачевки, точно игла торчалъ минареть старой мечети, около которой, какъ попало, скучилась татарская деревушка Цыльна, все богатство коей заключалось въ множество самоваровъ, перинъ и подушекъ; а далѣе, на небольшой возвышенности, выплывало чувашское село Аршаши, которое издали можно было принять за сплошное, необъятное гумно, съ кое-гдѣ затерявшимися между хлѣбными копнами, маленькими неряшливыми на видъ избенками.

Аршашинскіе чуваша, въ то время еще мало сближавшіеся съ русскими крестьянами, своими ближайшими сосѣдями, пользовались извѣстностью самыхъ хлѣбныхъ и трудолюбивыхъ крестьянъ, и въ то же время играли какую-то особенную роль во всей этой мѣстности. Съ одной стороны, неприглядный, только-что не идиотскій видъ чувашъ вызывалъ постоянныя насмѣшки со стороны русскаго населенія, но съ другой, тѣ же самые чуваша были предметомъ не только зависти, но даже какаго-то страннаго

поклоненія русскихъ крестьянъ. Между послѣдними, какъ въ то время, такъ и теперь, только и слышится: чувашаи говорятъ, что будетъ урожай; или: въ чувашахъ толкуютъ, что овсы будутъ не прорѣзные, а ржи не будетъ; или же: чувашаи сказываютъ, что кто позже посѣетъ, тотъ будетъ съ хлѣбомъ, а кто посѣшитъ, у того будетъ одна лебеда и т. д. Однимъ словомъ, всѣ хозяйственныя предсказанія и предостереженія шли всегда отъ чувашъ, и имъ безусловно вѣрили.

Далѣе, за Аршамами, точно море, разлилась необозримая степь, почти сплошь населенная чувашами... Это было настоящее чувашское царство, молчаливое, безжизненное и въ то же время кропотливое, какъ муравейникъ. Ни возвышенности, ни деревца, ничего выступающаго, яркаго, красиваго, и какая-то странная тревога невольнымъ образомъ охватывала человѣка, при одномъ взглядѣ на весь этотъ невыразимый, подавляющій избытокъ простора.

Только-что описанная нами мѣстность, еще въ 60-хъ годахъ, то-есть наканунѣ великаго дня освобожденія, слыла подъ именемъ «золотого дна» и возбуждала зависть помѣщиковъ со сѣднихъ уѣздовъ. — «Вамъ хорошо говорить: знаемъ мы ваши карабаевскія земли», — говорили они обладателямъ этихъ земель. И дѣйствительно, «золотое дно» отличалось рѣдкимъ, глубочайшимъ черноземомъ, хотя въ то же время и страдало отсутствіемъ всякаго ландшафта, грандіозности, или разнообразія. Глазъ видѣлъ одни поля, разбитыя на квадраты и хозяйственныя десятины, смотря по времени года, то черныя, то зеленыя, то желтыя... И только бѣлыя, едва замѣтныя пятна цервей отмѣчали затерявшіяся въ туманной дали селенія, да старыя, по большей части запущенныя сады, не разлучныя съ помѣщичьими усадьбами, смотрѣли каминными-то оазисами среди однообразной равнины, между тѣмъ какъ неуклюжія, деревянныя барскія хоромы, съ мезонинами и красными крышами, разыгрывали роль феодальныхъ замковъ, поражая мужиковъ своей убогой роскошью и аляповатыми украшеніями, придуманными крѣпостными плотниками. За исключеніемъ Елизаветина, Бачмановки, отчасти Хапковки и татарской Цыльны, всѣ только-что перечисленныя нами села и деревни могли бы соперничать между собой количествомъ хлѣбныхъ копенъ, широкимъ кольцомъ окружавшихъ каждое поселеніе, — хотя въ то же время большинство крестьянскихъ избъ топилось «по черному», и никакого внѣшняго различія между богатыми и бѣдными не существовало, такъ какъ тѣ и другіе носили одинаковыя синія рубахи и черныя кафтаны домашняго издѣлія,

на ногахъ у всѣхъ были одни и тѣ же лапти, а «богачи», то есть болѣе зажиточные крестьяне, имѣвшіе залежныя, запрятанныя за половицу деньги, прежде всего заботились о томъ, чтобы какъ можно менѣе тратить на себя, на свое платье и на удобства жизни.

Во всѣхъ девятнадцати, только что перечисленныхъ поселкахъ, не было ни одного кабака, а самый ближайшій кабакъ находился въ 17-ти верстахъ, въ заштатномъ городкѣ Гаѣ, по этому случаю, разыгрывавшему роль какъ-то Содома въ патриархальной жизни описанной нами мѣстности. Не было кабаковъ, но не было и школъ... и можно было пересчитать по пальцамъ всѣхъ до единого грамотныхъ помѣщиковъ, помѣщицъ, священниковъ (грамотныхъ «матушекъ» въ то время почти не встрѣчалось), управляющихъ и конторщиковъ, во всѣхъ 19-ти поселкахъ.

Большинство крупныхъ помѣщиковъ находилось въ отсутствіи, изрѣдка навѣщая въ свои вотчины, продавая, по крайне дешевой цѣнѣ, громадное количество хлѣба, который улетучивался въ «Петербургъ», или къ нѣмцамъ и англичанамъ, между тѣмъ какъ крестьянскій хлѣбъ, изъ года въ годъ, копился на гумнахъ и только отчасти употреблялся на свое продовольствіе и выкармливаніе замѣчательно хорошихъ и рослыхъ коней, размножавшихся благодаря безчисленнымъ конскимъ заводамъ помѣщиковъ. Луговъ было много, и вокругъ каждаго поселка зеленѣли обширные выпуски, на которыхъ ходилъ мѣстной скотъ.

Исправно получая свои довольно скудные доходы, исправно проживая ихъ и считая какъ бы своей священной обязанностью закладывать и перезакладывать свои имѣнія въ опекунскомъ со-вѣтѣ, крупные помѣщики очень мало вмѣшивались въ крестьянское самоуправленіе, и благодаря такому равнодушію къ мѣрскимъ дѣламъ, въ подневольной жизни крестьянъ все еще, такъ или иначе, отражалось излюбленное прошлое, когда община и мѣръ были полноправными распорядителями въ волостяхъ и селахъ. Нѣтъ и никогда не было въ данной мѣстности никакихъ фабрикъ, заводовъ, кустарныхъ или отхожихъ промысловъ, нѣтъ ни лѣсовъ, ни большихъ рѣкъ, или озеръ, доставлявшихъ заработки, а потому все населеніе ничего не знало, не могло и не хотѣло знать, кромѣ своихъ, казалось, вѣчно неистощимыхъ и изобильныхъ полей. Такимъ образомъ, крестьяне данной мѣстности, за исключеніемъ татаръ, перебивавшихся мелкой торговлей, были настоящіе, коренные земледѣльцы, живущіе только землей и помышлявшіе только о землѣ. Каждый былъ при своемъ мѣстѣ, при своемъ клочкѣ земли, при своей сохѣ. Объ отдачѣ круговъ

въ обработку, о наймѣ годовыхъ батраковъ или лѣтниковъ не было и помину, никакихъ условій на работы не заключалось, и самая сдача земли встрѣчалась какъ рѣдкое исключеніе, не поднимаясь выше 15 рублей за кругъ, то-есть, 10 руб. за паровую и 5 руб. за яровую десятину, между тѣмъ, самая лучшая земля, и только въ хлѣбородной мѣстности, продавалась по 40 руб. за казенную десятину. Но при всемъ видимомъ довольствѣ и изобиліи всякихъ злаковъ, какая-то апатія и мертвенность чувствовалась и царила въ этомъ глухомъ, словно застывшемъ, отрѣзанномъ отъ всего міра углу, гдѣ привольно жилось только какому-нибудь одичавшему помѣщику, да мужику, давно уже примирившемуся съ своей судьбой-мачихой. Какъ будто въ цѣломъ населеніи навсегда пропала и вымерла всякая способность чего-нибудь желать, надѣяться, ожидать, чему-нибудь удивляться, чѣмъ-нибудь возмущаться. Никто не замѣчалъ самоотверженія и добродѣтели Марьи Митрофановны, никто не порицалъ «концерговъ», то-и-дѣло повторявшихся на дворѣ капитана Бачманова, не возмущался безчеловѣчной жестокостью вдовы-исправницы, никому дѣла не было ни до татарь-вонокрадовъ, ни до безпутной жизни помѣщика Клочкова, ни до полицейскихъ чиновниковъ, проживавшихъ въ уѣздѣ на положеніи какихъ-то завоевателей, собиравшихъ дань съ побѣжденныхъ, ни до неистовства кавказскаго героя Баева, среди бѣлаго дня носившагося изъ одной деревушки въ другую, съ папайхой на затылкѣ, съ пистолетомъ за поясомъ, и крестившаго плетью кого попало, направо и на-лѣво, праваго и виноватаго.

Невозможно даже вообразить себѣ такое незаконное, даже преступное дѣяніе, которое было бы въ состояніи хотя на минуту разшевелить и разбудить сонное царство, каждому было только до себя, до своихъ грошовыхъ интересовъ, каждый зѣвая и протирая глаза повторялъ мудрую пословицу: «моя хата съ краю—ничего не знаю», и тотчасъ же засыпалъ богатырскимъ сномъ... Никто не хотѣлъ знать и слышать, что тутъ же, рядомъ съ нимъ, его ближній, его сосѣдъ страдаетъ, стонетъ, вопить о помощи или взываетъ къ закону и справедливости.

Такимъ образомъ, изо-дня въ день, сотни лѣтъ жилось въ темномъ и сытомъ углу, вплоть до самой земли памятнаго 1861 года, — отличавшейся особенной суровостью и лютостью. Все пропало и исчезло подъ снѣжными заносами, и только синеватые столбы дыма свидѣтельствовали о существованіи селъ и деревень; но уже не спалось мѣстному населенію подъ бѣлымъ сплошнымъ покровомъ, такъ же крѣпко и

безпробудно, какъ въ былые годы, и изъ деревни въ деревню, изъ избы въ другую, изъ усть въ уста шопотомъ передавалась вѣсть о близости великаго дня освобожденія. Боялись вѣрить, а недоувѣрять еще пуще боялись... Всѣмъ и каждому хотѣлось отдаться необузданной радости, хотѣлось бы прокричать на всю окрестность: «конецъ барщинѣ,—конецъ произволу!» но всѣ сдерживали порывы восторга и готовыя хлынуть слезы благодарности.

Въ свою очередь притихли и помѣщики, и помѣщицы, съ ихъ управляющими, бурмистрами и старостами, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ поджидая, что будетъ? А по увѣзду разтѣвжалъ одинъ родовитый князь, изъ татарскихъ мурзь, извѣстный враль и пустомеля, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, выступившій непрощеннымъ защитникомъ сословныхъ интересовъ. Князь цѣлый мѣсяць не вылѣзалъ изъ дорожнаго возка и, вмѣстѣ съ капитаномъ Бачмановымъ, собиралъ подписку для поднесенія какого-то таинственнаго, сочиненнаго въ Петербургѣ проекта, долженствовавшаго облагодѣтельствовать какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ, устройствомъ какихъ-то полукрѣпостныхъ отношеній между первыми и послѣдними.

Путешествіе князя живо напоминало странствованіе Чичикова, и въ рѣдкомъ барскомъ домѣ, средней руки, не разыгрывалась извѣстная сцена Чичикова съ Коробочкой. Князь горячился, настаивалъ на необходимости подписи, убѣждалъ, угрожалъ, но въ большинствѣ случаевъ встрѣчалъ недоувѣріе, недоумѣніе или испугъ. Ропотъ, недовольство или напрасныя попытки составить партію «недовольныхъ», встрѣчались только между немногими крупными землевладѣльцами, столпившимися въ столицахъ, между тѣмъ какъ помѣщики и помѣщицы средней руки, коренные обитатели захолустья, очень мало интересовались ходатайствомъ большинства губернскаго комитета (состоявшаго изъ мѣстной аристократіи) о вознагражденіи помѣщиковъ за уничтоженіе личнаго крѣпостнаго права и рѣшительно не въ состояніи были одѣнать прелесть вотчиннаго права и фермерскаго хозяйства, долженствовавшаго замѣнить крестьянское. Въ большинствѣ же случаевъ они относились къ ожидаемому съ часу на часъ перевороту, или съ свойственной русскому человѣку безпечностью, или же съ покорностью людей, привыкшихъ безпрекословно исполнять волю начальства.

II.

Медовые мѣсяцы.

Ранняя весна 1861 года вступила въ свои права... Сильно пригрѣваетъ солнышко, хотя по голубому, словно итальянскому небу, все еще бѣжали обрывки бѣлыхъ снѣжныхъ тучъ, живо напоминавшихъ зиму и морозы. Мѣстами открылись и точно дымились озими, а надъ ними въ недосыгаемой вышинѣ залились жаворонки. Журчатъ и шумно бѣгутъ ручьи, мигомъ превративъ убогія степныя рѣчки въ широкіе потоки, гордо несущіе свои волны.

Весенній воздухъ переполненъ колокольнымъ звономъ, доносившимся изъ сосѣднихъ селеній, а на площади села Никольскаго толпится народъ и виѣ себя отъ волненія и восторга прислушивается къ звону, то тутъ, то тамъ гудѣвшему въ туманной дали и громко возвѣщавшему появленіе станового пристава, переѣзжавшаго изъ одного села въ другое съ манифестомъ о волѣ. Нѣтъ силъ, нѣтъ возможности описать торжественность и прелесть этой минуты, переполнявшей душу радостными ожиданиями.

Дошла очередь и до Никольскаго, — громче, радостнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, грянулъ церковный колоколъ, а въ концѣ площади показался, съ ногъ до головы забрызганный грязью, становой, верхомъ, въ сопровожденіи цѣлой свиты конныхъ провожатыхъ.

Настежь распахнулись двери храма, тотчасъ же переполненнаго тулупами и зипунами, но не долго длилась торжественная, давно ожидаемая минута: растерявшійся священникъ, то и дѣло сбиваясь и путаясь, быстро прочелъ дрожавшій въ рукахъ его манифестъ, а потомъ выдвинулся въ конецъ измученный становой, и грозно поводя усами, проговорилъ: «два года по старому»; не проронивъ болѣе ни одного слова, онъ поспѣшилъ вонъ изъ церкви, чтобы тотчасъ же сѣсть на свѣжую лошадь и сказать далѣе.

Всѣ остались на своихъ мѣстахъ, всѣ точно остолбенѣли, такъ какъ въ тайнѣ ожидали отъ воли чего-то другого, чего-то болѣе привлекательнаго, но минутное недоумѣніе вскорѣ смѣнилось порывомъ опьяняющей радости. Цѣлый день и всю ночь на пролетъ пѣсни и ликованія не умолкали на площади, а на слѣдующій день все уже пошло по старому, по будничному:

мужики покорно и весело спѣшили на работу, и при самыхъ старательныхъ наблюденіяхъ невозможно было бы замѣтить ни тѣни антагонизма, ни малѣйшаго признака мести въ отношеніяхъ крестьянъ къ ихъ господамъ. Марья Митрофановна устроила пиръ на весь міръ, выставила бочку вина, горы пироговъ, радуясь и восхищаясь едва ли не болѣе самихъ крестьянъ; солидный Степанъ Савельевичъ витіевато и пространно объяснялъ николевскимъ мужикамъ, «что теперича (это было его любимое слово) на ихъ совѣсти лежитъ обязанность показать, какъ они цѣнятъ щедроты и милости монарха и т. д., и т. д.; необузданно пылкій и горячій Франтъ Антоновичъ пѣтушился и кричалъ громче обыкновеннаго: «а вотъ я посмотрю, кто будетъ ослушникомъ! я посмотрю! посмотрю!» Но мужики смиренно, безъ шапокъ, выслушивали честнаго старика и торопились исполнять его приказанія. Шипѣли и терзались въ безсильной злобѣ: вдова-исправница, тотчасъ же почувствовавшая свои руки связанными; бывшій становой Ключковъ, на другой же день послѣ объявленія воли, превратившійся изъ самовластнаго барина въ проходимца, не имѣвшаго ничего общаго ни съ крестьянствомъ, ни съ барствомъ; кавказскій джигитъ Баевъ, почувствовавшій необходимость перейти съ военнаго на мирное положеніе, да любитель вечернихъ «концертовъ», капитанъ Бачмановъ, ежеминутно ожидавшій чуть ли не революціи и за нѣсколько дней до объявленія воли перебравшійся въ губернскій городъ, гдѣ проживаетъ и до нашихъ дней въ постоянномъ и напрасномъ ожиданіи поджоговъ, грабежей и вообще возмездія со стороны крестьянъ.

Наступили дни и мѣсяцы, которые безъ всякаго преувеличенія можно назвать медовыми. Милліоны только-что освобожденныхъ людей, на нѣкоторое время, остались какъ будто, безъ всякаго управленія и власти; исправники превратились чуть не въ сизокрылыхъ голубей и ворковали о мѣрахъ кротости. Пристава возвращали въ полнѣйшей неприкосновенности присылаемыхъ къ нимъ для внушенія дворовыхъ людей, ссылаясь на циркуляръ начальника губерніи, строго воспрещавшій розгу; въ редакціонную комиссію, былъ вызванъ чловѣкъ, еще вчера считавшійся отъявленнымъ якобинцемъ и только-что наканунѣ 19-го февраля ни за что ни про что высланный начальникомъ губерніи изъ города, на безвыѣздное проживаніе въ деревнѣ; наконецъ, тотъ же самый якобинецъ всталъ потомъ во главѣ главнаго учрежденія по крестьянскому дѣламъ въ губерніи, и не было ни одной уставной грамоты, которая бы миновала его рукъ—и при всемъ

этомъ, кругомъ царило невозмутимое спокойствіе, не дававшее ни малѣйшаго повода предполагать какіе бы то ни было безпорядки и волненія.

Да, это были настоящіе медовые мѣсяцы, даже по той невѣроятной, въ наши дни, безопасности, съ которой администрація, дворянство и крестьянство, однимъ словомъ, всё вообще относились къ будущему!—Никто ни на минуту не задумывался надъ тѣмъ, что совершившійся переворотъ затрогивалъ не только всё стороны сельскаго быта, но и всё стороны русской жизни, что никакихъ приспособленій къ новымъ условіямъ не существовало, что судъ и власть, до сихъ поръ находившіеся въ вѣденіи дворянства, должны были перейти въ руки крестьянскаго самоуправления и сельской полиціи, а мало-мальски способныхъ людей не было, и подготовить ихъ было некогда.

Все дѣлалось въ поспѣхахъ, на скорую руку и, нужно сказать, на первый разъ выходило необыкновенно гладко и удачно. Изъ бывшихъ крѣпостниковъ выбрали мировыхъ посредниковъ, но и изъ этого, казалось бы, крайне рискованнаго шага, вышло совсѣмъ не то, чего возможно было ожидать въ настоящемъ случаѣ, главнымъ образомъ, благодаря общественному настроенію, весьма благопріятно отразившемуся на первыхъ дѣятеляхъ, взвалившихъ на свои плеча невѣроятно трудную задачу устройства поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами.— Не только богатые люди, увлекшіеся новой должностью, отчасти благодаря модѣ, отчасти подчиняясь искреннему, вдругъ охватившему стремленію послужить народному дѣлу,—но даже господа средней руки, прежде всего обратившіе вниманіе на приличное вознагражденіе, и тѣ вели себя безукоризненно-честно и тотчасъ же встали на сторону крестьянъ и ихъ интересовъ. Точно иначе и не могло быть, точно отыскалась пропавшая совѣсть и громко заговорила въ каждомъ изъ посредниковъ. Если же и встрѣчались исключенія, то-есть односторонніе и не-безукоризненные люди, то дѣятельность ихъ, по нашему наблюденію, отражалась неблагопріятнымъ образомъ на помѣщикахъ, а не на крестьянахъ, и не рѣдко объяснялась желаніемъ насолать сосѣду, или свести старые забытые счета. Такъ, напримѣръ, только-что забаллотированный предводитель дворянства, попавши въ посредники, прежде всего позаботился о томъ, чтобы вымѣстить неудачу на своихъ бывшихъ антагонистахъ. Другой, давно перессорившійся съ сосѣдами, посредникъ тотчасъ же распустилъ по домамъ всѣхъ служащихъ изъ крестьянъ, и такимъ образомъ оставилъ большую часть помѣщиковъ безъ всякой прислуги,

такъ что какому-то отставному штабъ-ротмистру пришлось возить воду для своего дома...

Новое волненіе въ селѣ Никольскомъ. Весь народъ высыпалъ на площадь и ждетъ не дождется мирового посредника.

— Ыдетъ! Ыдетъ!—раздается по селенію и точно на пожаръ скачетъ тройка, а лихой ямщикъ въ дикомъ восторгѣ съ ожесточеніемъ накаливаетъ пристяжную и только чудомъ какимъ-то не давить народъ, безъ шапокъ бѣгущій впереди и позади экипажа.

Тарантасъ остановился возлѣ избы карцовскаго бурмистра, а изъ него выпрыгиваетъ легкій, какъ перышко, юноша, съ ярко блестящей цѣпью на груди. За нимъ вылѣзаетъ письмоводитель, мрачный, лысый господинъ, съ плутовскими, изподлобья глядѣвшими глазами.

Юный посредникъ, мѣстный аристократъ, только-что покинувшій университетъ, принадлежалъ къ разряду добрыхъ, честныхъ и способныхъ малыхъ, въ одинаковой степени готовыхъ увлекаться какъ гражданскими подвигами, такъ и кутежомъ, какъ полезнымъ дѣломъ, такъ и полнымъ бездѣльемъ. Съ неистощимымъ остроуміемъ на устахъ, потѣшавшимъ губернскихъ дамъ, онъ шутя достигалъ хорошихъ результатовъ, неизмѣнно оставаясь на сторонѣ крестьянъ и ихъ интересовъ. До глубокой ночи провозился юноша въ селѣ Никольскомъ и, наконецъ, послѣ массы непривычнаго труда, положилъ основаніе Никольской волости, въ составъ коей вошли всѣ селы и деревни, только что перечисленные нами въ первой главѣ.

Новый поводъ для ликованія, и въ нарядной, шумной толпѣ впервые послышались толки о волостномъ старшинѣ, мірскомъ старостѣ, о выборахъ, о томъ, что у такого-то «завѣсило двумя шарами», а у другого однимъ шаромъ меньше и т. д.; но не взирая на невообразимую путаницу, выбрана была масса всякихъ сельскихъ властей, тотчасъ же снабженныхъ разнообразными знаками и приглашенныхъ въ правленіе, для выслушанія статей и инструкцій, до нашихъ дней не заученныхъ какъ слѣдуетъ волостными старшинами и старостами.

Такимъ образомъ совершилось открытіе никольскаго волостного правленія, занявшаго одну изъ лучшихъ сельскихъ избъ, въ которой немедленно поселился старшій писарь въ образѣ отставного чиновника, въ халатѣ и теплыхъ валенкахъ, всегда на-веселѣ и полного презрѣнія къ невѣжественному мужику. Искать и выбирать было некогда, а потому волостныхъ писарей хватали гдѣ попало, лишь бы наполнить необходимый комплектъ. Тотчасъ же закрипѣли перья, запахло сургучемъ,

два подручных писаря работали, не разгибая спины, между тѣмъ какъ старшій, забравшись на полаты, распоряжался письмоводствомъ и безграмотнымъ старшиной, и спускался съ верху только для принятія добровольныхъ приношеній, одновременно съ нимъ водворившихся въ правленіи. Не прошло и мѣсяца, какъ все уже пришло въ должный порядокъ, то-есть вошло въ канцелярскую колею, а первый никольскій старшина, еще недавно умный и работающій мужикъ, набравшись важности, понесъ непонятную галиматью въ такомъ родѣ: «перво-наперво войди прошеніемъ къ посреднику, на что посредникъ положить резолюцію и сейчасъ дать предписаніе въ волость, а волость занесетъ въ журналъ, и предпишетъ сельскому старостѣ, а сельскій отлепортуетъ... а впрочемъ, лучше всего обратись къ старшему писарю, онъ все знаетъ!..» обыкновенно добавлялъ старшина, указывая недоумѣвающему просителю на торчавшія съ полатей валенки чиновника.

Между тѣмъ, вся дѣятельность юнаго посредника обратилась на введеніе уставныхъ грамотъ, въ большинствѣ случаевъ написанныхъ его письмоводителемъ, такъ какъ только немногіе изъ помѣщиковъ могли справиться съ такимъ мудренымъ дѣломъ. Прямо съ бала, кутежа или охоты, мчался юный дѣтель въ свой участокъ и тотчасъ же всякими правдами и неправдами принимался ублажать и соглашать помѣщиковъ и помѣщицъ съ ихъ бывшими крестьянами. На однихъ онъ дѣйствовалъ неистощимымъ остроуміемъ, на другихъ любезностью, третьихъ запугивалъ опекой.

— Это за что! — восклицала какая-нибудь неподатливая и въ то же время крайне трусливая Коробочка.

— А вотъ за то, что не исполняете высочайшую волю... — полу-шутя, полу-серьезно, отвѣчалъ юноша, и трусившая помѣщица спѣшила подписать грамоту.

Наплась такая барыня, что ни подъ какимъ видомъ не соглашалась уступить крестьянамъ небольшой лѣсокъ, въ которомъ съ самаго дѣтства привыкла пить чай въ лѣтнее время; но находчивый юноша присягалъ и клялся всѣми святыми, что никакихъ препятствій со стороны мужиковъ не будетъ, и все улаживалось къ обоюдному согласію.

Несокрушимое упорство встрѣчалось только въ рѣдкихъ случаяхъ, вызывая продолжительную ожесточенную борьбу, въ конецъ утомляющую какъ посредника, такъ и помѣщика съ крестьянами. Посредникъ пріѣзжалъ по нѣскольکو разъ и едва успѣвалъ войти въ барскій домъ, какъ тотчасъ же завязывались утомительныя пренія въ такомъ родѣ.

— Пожалуйте и насъ—умоляли мужики.

— Нѣтъ, вы меня пожалуйте... — въ свою очередь умолялъ помѣщикъ.

— Не для насъ, такъ для дѣтей нашихъ... — взывали мужики и разомъ, всѣмъ обществомъ, опускались на колѣни.

— Что вы этимъ хотите доказать... Я то же умѣю—и къ удивленію посредника и крестьянъ, упорный помѣщикъ такъ же преклонилъ колѣни.

— Какъ уже и дышать-то намъ, безъ шишовской пустоши... — продолжали мужики, послѣ того, какъ посреднику удалось прекратить трогательную сцену съ колѣнопреклоненіями.

— А я отвожу гору...—уже храбрился помѣщикъ.

— Это неподходящее дѣло, мы должны брать землю, которая стоитъ полтину за десятину.

— Нужно просить... просите... — подбавилъ юноша, указывая на помѣщика, успѣвшаго вскочить на диванъ и продолжавшаго отстаивать свои интересы.

— Батюшка! отецъ!— снова приступали мужики.

— Нельзя, нельзя, невозможно!—уже изъ сосѣдней комнаты упавшимъ голосомъ отвѣчала помѣщица.

— Отецъ, тебѣ все можно, никто какъ ты... — настойчиво молили мужики, отирая градомъ катившійся потъ.

— И толковать нечего... и слушать не хочу,—уже изъ третьей комнаты слышался все болѣе и болѣе ослабѣвавшій голосъ.

Но проходилъ часъ, другой, помѣщица не выдерживала, желаніе развернуться, показать, что онъ не какой-нибудь скаредъ, не Плюшкинъ (прозвище болѣе всего страшное для русскаго человѣка)—пересиливало хозяйственные расчеты, и онъ не только отдаетъ шишовскую пустошь, но неожиданно для себя самого, даритъ крестьянамъ какой-то лѣсокъ съ лугами.

Борьба заключалась трогательной сценой: всѣ обнимаются, плачутъ, крестятся, а взволнованный и уже жестоко раскаявшійся въ своей уступчивости помѣщикъ уводитъ юношу и усаживаетъ за простывшій обѣдъ.

Но и медовые мѣсяцы, съ ихъ праздничнымъ настроеніемъ, не обошлись безъ шиповъ для Никольской волости. Такъ, на примѣръ, въ селѣ Ракиновѣ появилось что-то въ родѣ броженія, разумѣется, самаго невиннаго свойства. Единственный сельскій грамотѣй Константинъ Ивановъ, до того времени игравшій весьма жалкую роль между своими односельцами, вдругъ сдѣлался первымъ человѣкомъ въ вотчинѣ, вошелъ въ славу и принялся влить и вкось объяснять и толковать совершенно непонятное

для крестьянъ положеніе... Но чѣмъ болѣе росла слава Константина Иванова, тѣмъ болѣе неистовствовалъ Францъ Антоновичъ, поджидая только удобнаго случая, чтобы обрушиться на несчастнаго чтеца. Такой случай скоро представился. Въ сосѣднемъ съ Никольской волостью уѣздѣ мужики отказались принять надѣлъ и не хотѣли исполнять издѣльной повинности, послѣдствіемъ чего была довольно крутая экзекуція, на мѣсто коей были вызваны крестьяне сосѣднихъ волостей, замѣченныхъ въ излишнемъ любопытствѣ и въ избыткѣ фантазіи.

Прочитавъ такой приказъ исправника, Францъ Антоновичъ, тотчасъ же вызвалъ Константина Иванова и между ними произошла слѣдующій разговоръ:

— Есть у насъ въ Ракиновѣ умные люди?—спросилъ управляющій.

— Какъ не быть умныхъ людей, въ такой вотчинѣ,—отвѣчалъ ничего не подозрѣвавшій грамотѣй.

— Такъ вотъ же тебѣ приказъ начальства: изъ всѣхъ умныхъ людей выбери ты троицъ самыхъ умнѣйшихъ и завтра чуть свѣтъ выѣзжай съ ними въ Репьевку.

Умный человѣкъ просіялъ отъ восторга и со всѣхъ ногъ бросился отыскивать товарищей...

— Некогда! не время!—отвѣчаетъ онъ на разпросы сосѣдей и, задыхаясь отъ волненія, бѣжитъ по селу и разыскиваетъ умныхъ людей.

Наконецъ, умные люди были отысканы и съ величайшимъ почетомъ выпровожены изъ Ракитова.

Возвращеніе умныхъ людей было самое плачевное; охая и почесывая спину, разбрелись они по домамъ, проклиная Константина Иванова съ его затѣями.

Похожденія умныхъ людей долгое время забавляли жителей Никольской волости, всегда вызывая общій, единодушный смѣхъ. Покатывался со смѣху, до педантизма честный, Францъ Антоновичъ, ни сколько не подозрѣвая отталкивающаго свойства своей выдумки; ему дружно вторили помѣщики, помѣщицы, управители, управительши, батюшки и матушки, мужики и бабы, а въ скоромъ времени къ нимъ присоединились и сами потерпѣвшіе, то-есть ни за что, ни про что наказанные исправникомъ умные люди...

Такое было время, не даромъ же его зовутъ старымъ, добрымъ временемъ.

III.

СЧАСТЛИВОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

Десятилѣтіе, слѣдовавшее за открытіемъ никольской волости (съ 61—71 годъ) по справедливости можетъ быть названо болѣе, или менѣе счастливымъ. Это были годы непрерывныхъ урожаевъ, поднявшіе на ноги многихъ, въ конецъ разоренныхъ помѣщиковъ, и значительно увеличившіе благосостояніе работающихъ и трезвыхъ крестьянъ.

Уставныя грамоты вводились, а соглашенія и отношенія между временно-обязанными и ихъ бывшими владѣльцами такъ или иначе улаживались.

Самыми податливыми въ волости оказались крестьяне деревни Большой-Карцовки, тотчасъ же составившіе приговоръ, которымъ предоставляли своему бывшему помѣщику составить уставную грамоту по его личному усмотрѣнію и уполномочивали довѣренныхъ для ея подписи. Расчетъ оказался какъ нельзя болѣе вѣрнымъ: восхищенный Карцевъ не только составилъ грамоту, весьма выгодную для крестьянъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ подарилъ обществу цѣнные луга, о которыхъ крестьяне и не мечтали. Не такъ гладко пошло дѣло съ крестьянами Малой-Карцовки, какъ мы уже сказали выше, на половину состоявшей изъ раскольниковъ—и «богачей», то-есть очень зажиточныхъ мужиковъ. Они выжидали, чтó будетъ, рассчитывая на избытокъ земли, а главнымъ образомъ, на зеленую степь удѣльнаго вѣдомства, примыкавшую къ ихъ гумнамъ. Крестьяне деревни Тепловки получили полный, даровой надѣлъ, по завѣщанію Марьи Митрофановны, скончавшейся вскорѣ послѣ объявленія воли. Ракиново, Лихачевка, Волковка и Хапковка пожелали полный надѣлъ и, получивъ его, остались на издѣльной повинности, — такъ же какъ и бѣднѣйшіе въ цѣлой волости крестьяне деревни Бачмановки, поспѣшившіе раздѣлаться съ своимъ владѣльцемъ и отойти отъ грѣха.

Дошла очередь и до с. Николевскаго, а всѣ окрестныя, по большей части мелкія деревушки, только и ждали, какъ подѣлаются николевскіе мужики, чтобы тотчасъ же послѣдовать ихъ примѣру. Полковникъ гвардіи Алхазовъ, какимъ-то чудомъ попавшій въ число пяти, такъ называемыхъ «красныхъ», составлявшихъ меньшинство губернскаго комитета, выступившаго съ проектомъ, въ свое время признаннымъ «первымъ отряднымъ явленіемъ и пріятнымъ отзывомъ дворянства на призывъ правительства въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ», — проектомъ, сохраняв-

шимъ для крестьянъ ихъ надѣлъ и довольно умѣренные, то-есть сходныя съ существующими въ губерніи цѣны на землю,—этотъ полковникъ, поневолѣ попавшій въ разрядъ «красныхъ», давно уже трудился надъ составленіемъ во всѣхъ отношеніяхъ выгодной для крестьянъ уставной грамоты и, покончивъ, наконецъ, свою работу, пріѣхалъ въ село Никольское, заранѣе разсчитывая на благодарность и признательность крестьянъ.

Дѣло приняло нѣсколько торжественный видъ (полковникъ шагу не могъ ступить безъ нѣкоторой торжественности и помпы). Толпа крестьянъ, значительно увеличенная депутатами отъ мелкихъ деревушекъ, долженствовавшихъ тотчасъ же извѣстить своихъ односельцевъ о рѣшеніи дѣла, съ ранняго утра окружала барскій домъ. Появился полковникъ, въ сопровожденіи посредника, старшины и управителя—и, обращаясь къ народу, началъ такъ: «исполняя священную волю монарха и считая своей обязанностью выполнить эту волю по долгу и совѣсти» и т. д. и т. д.; но онъ не успѣлъ еще развернуться какъ слѣдуетъ и описать выгоды назначеннаго имъ надѣла, какъ изъ заднихъ рядовъ густой толпы уже раздались настойчивые голоса: на одну десятину! желаемъ на одну десятину! на царскую десятину! на даровую!.. Въ одинъ мигъ полный хаосъ заступилъ мѣсто торжественности: полковникъ горячился, посредникъ, старшина и управитель наперерывъ убѣждали крестьянъ выкинуть изъ головы вздорную мысль, но тѣ продолжали просить и настаивать на своемъ. Затѣмъ, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, поднялся таковой шумъ и гвалтъ, что не было уже возможности что-нибудь понять, или разобрать... Всѣ присутствующіе, начиная съ величественнаго полковника, казалось, только о томъ и думали, чтобы, во чтобы то ни стало, перекричать другъ друга и заглушить остальные голоса. Наконецъ, полковникъ потерявъ голосъ и выбившись изъ силъ, безнадежно махнулъ рукой, скрылся въ своемъ кабинетѣ и тотчасъ же въ сотый разъ, съ замираніемъ сердца, принялся повѣрять списокъ своихъ долговъ, которые разсчитывалъ уплатить выкупными свидѣтельствами.

А между тѣмъ толпа мужиковъ безъ шапокъ продолжала стоять воевругъ барскаго дома и еще съ большей настойчивостью просить одну десятину.—Уже стемнѣло, когда потерявшій голову полковникъ вышелъ къ народу и, выразивъ свое негодованіе въ весьма крѣпкихъ и выразительныхъ словахъ, изъявилъ свое согласіе.—Уставная грамота была тотчасъ же написана и подписана, довольные и торжествующіе мужики разошлись по домамъ, а депутаты сосѣднихъ деревушекъ стремглавъ понеслись во свояси,

—чтобы скорѣе сообщить своимъ односельцамъ о томъ, какъ отбились Никольскіе мужики отъ надѣла и поставили на своемъ, то-есть получили дарственную десятину.

Примѣръ никольскихъ крестьянъ заразительнымъ образомъ повліялъ на всю ближайшую окрестность и въ самомъ непродолжительномъ времени село Васильевка, деревни Елизаветино, Софьевка, Аделевка, Баевка, часть Хапковки и Малая-Карцовка, къ большому смущенію ихъ владѣльцевъ, заявили несокрушимое желаніе получить одну, то-есть дарственную десятину.

Долѣ другихъ помѣщиковъ не сдавался старикъ Карцевъ. Онъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Малую-Карцевку, убѣждалъ, умолялъ, снималъ со стѣны образъ, но ничто не помогло. Крестьяне были непреклонны, и всѣ предположенія старика, относительно выкупныхъ, разсѣялись какъ дымъ.— Не зная, какъ взяться за дѣло, что дѣлать съ землей и долгами, терзаясь мыслью о будущности сына, въ которомъ уже видѣлъ пролетарія и нищаго, бывшій забубенный помѣщикъ окончательно надломился, разомъ рухнуло, казалось, богатырское здоровье, и онъ безвременно сошелъ въ могилу.

Такимъ образомъ, несчастная статья о даровомъ надѣлѣ, по какому-то странному недоразумѣнію попавшая въ положеніе и находящаяся въ полнѣйшемъ противорѣчїи съ духомъ означеннаго законодательнаго акта, эта статья получила самое широкое примѣненіе въ Никольской волости.— Что побудило крестьянъ съ такимъ упорствомъ настаивать на полученіи дарственной десятины, это вопросъ такъ же трудно разрѣшимый, какъ и всѣ вопросы сельскаго быта и хозяйства. Само собою разумѣется, что всякое затрудненіе тотчасъ же устраняется, если допустить, что сами помѣщики заманивали крестьянъ на такъ называемый «нищенскій надѣлъ», но такая афера могла родиться только впослѣдствіи времени, такъ какъ въ памяти каждаго изъ насъ еще живо сохранилось воспоминаніе о настроеніи помѣщиковъ того времени, вынужденныхъ подарить одну десятину на душу и положительно не знавшихъ куда дѣваться съ остальной землей, на которую, къ довершенію отчаянія, тотчасъ же переходилъ долгъ опекунскому совѣту. Въ эту критическую минуту, каждый помышлялъ только о завтрашнемъ днѣ, о своихъ домахъ, о будущности дѣтей, о невозможности продолжать хозяйство безъ гроша денегъ, и у большинства помѣщиковъ средней руки не было даже смутнаго представленія о землѣ, какъ объ извѣстной цѣнности, способной расти и упрочить положеніе владѣльца.— Значеніе земли выросло и было сознано только впослѣдствіи

времени, новымъ, далеко болѣе смѣтливымъ и ловкимъ поколѣніемъ землевладѣльцевъ, явившихся на смѣну своихъ недалековидныхъ, простоватыхъ и въ большинствѣ случаевъ крайне безпечныхъ отцевъ.—Итакъ, мысль о дарственномъ надѣлѣ, для большинства помѣщиковъ въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ,—была равносильна мысли о полномъ разореніи, тѣмъ болѣе, что на всѣ уговоры и доводы мужики съ величайшей увѣренностью и стойкостью возражали, что земли много, гдѣ хочю, тамъ и возьму.

Въ настоящее время, когда уже минуло болѣе двадцати лѣтъ съ рокового, для Никольской волости, дня, когда крестьяне, получившіе одну десятину, со страхомъ и трепетомъ помышляютъ о своемъ положеніи, посылая проклятыя на своихъ вожаконъ, когда разговоры о прошломъ стали возможнѣе и откровеннѣе, намъ не разъ приходилось слышать отъ бѣднѣйшихъ крестьянъ села Никольскаго, что ихъ обездолили и посадили на одну десятину «богачи», между тѣмъ какъ послѣдніе, то-есть болѣе зажиточные мужики, оправдывались тѣмъ, что боялись денежнаго платежа, круговой поруки, а главное, отвѣтственности за слабосильныхъ и неимущихъ. Такимъ образомъ, если вѣрить никольскимъ крестьянамъ, то желаніе получить одну десятину можетъ быть объяснено недоувѣріемъ состоятельныхъ крестьянъ къ бѣднѣйшимъ и нежеланіемъ первыхъ смѣшиваться съ послѣдними. Такое предположеніе можетъ быть подкрѣплено еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, по нашему собственному наблюденію, чѣмъ болѣе вмѣлось въ общество «богачей» въ извѣстномъ смыслѣ этого слова, тѣмъ охотнѣе рвалось оно на одну десятину и вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ либеральнѣе (въ тогдашнемъ смыслѣ этого слова) былъ помѣщикъ, тѣмъ съ большей готовностью жертвовалъ онъ дарственную десятину.

Появное дѣло, что все сказанное нами о даровомъ надѣлѣ, можетъ быть отнесено только къ первымъ сдѣлкамъ такого рода, послѣдовавшимъ за объявленіемъ воли, а вовсе не къ тѣмъ, которыя устранились въ послѣдствіи времени, при иныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, такъ какъ въ первое время даровая десятинка казалась жертвой, а въ послѣдствіи времени—выгодной спекуляціей, на которую охотно заманивали крестьянъ, и отъ которой они еще охотнѣе уклонялись.

Когда наконецъ въ Никольской волости были введены всѣ уставныя грамоты, то самыми счастливыми и многоземельными оказались крестьяне деревни Тепловки, получившіе полный надѣлъ по завѣщанію и тотчасъ же снявшіе на десять лѣтъ остав-

шуются за надѣломъ землю; оброчные крестьяне деревни Дубенокъ, изъ числа коихъ десять дворовъ (изъ двадцати трехъ) купили у своего бывшего помѣщика всю остальную землю, съ разсрочкой уплаты на нѣсколько лѣтъ; однодворцы, какъ собственники значительнаго количества земли, и наконецъ крестьяне деревни Колодцы, бывшего удѣльнаго вѣдомства, получившіе, благодаря случайному стеченію обстоятельствъ, около 12 десятинъ на душу. Такой необычайный, въ описанной нами мѣстности, надѣлъ, сложился послѣ ссылки въ томскую губернію новокрещенныхъ татаръ, составлявшихъ почти половинную часть населенія. Татары, и послѣ 19-го февраля 1861 года продолжавшіе заниматься своимъ спеціальнымъ дѣломъ, то-есть конокрадствомъ, не сообразили при этомъ, что времена перемѣнились, а обновленная администрація жаждетъ дѣятельности и желаетъ отличиться передъ новымъ, только что вступившимъ въ должность начальникомъ губерніи. Произошелъ невиданный погромъ, конокрады были жестоко высѣчены, а потомъ высланы изъ губерніи, а оставшіеся на своихъ мѣстахъ мужики сдѣлались самыми многоземельными крестьянами въ цѣлой волости.

Наступилъ конецъ всякой суеты, всякимъ волненіямъ, недоразумѣніямъ, спорамъ и тревожнымъ ожиданіямъ. — Дворянство средней руки вполне примирилось съ своимъ положеніемъ, ни мало не помышляя о возвращеніи своей власти и обаянія, и не имѣя ничего общаго съ англманской теоріей, тотчасъ же послѣ освобожденія крестьянъ проявившейся въ средѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, представителями коихъ были пять, много шесть человекъ въ цѣлой губерніи. Никакихъ дворянскихъ стремленій не существовало, никто не мечталъ о вотчинномъ правѣ... Въ большинствѣ имѣній Никольской волости все пошло по просту, по божески, а вся земля, съ первой же весны разошлась исполу, и такимъ образомъ землевладѣльцы тотчасъ же приобрѣли обязательныхъ рабочихъ, очень мало отличавшихся отъ бывшихъ крѣпостныхъ.

Съ 1863-го года, то-есть съ отмѣной откупа, затишье, водворившееся въ Никольской волости, въ значительной степени поколебалось быстрымъ размноженіемъ питейныхъ заведеній, въ буквальномъ смыслѣ наводнившихъ Никольскую волость, и въ мѣстности, сотни лѣтъ не выдавшей ни одного кабака, разомъ водворилось двадцать три такихъ заведенія, изъ числа коихъ три настоящихъ вертепа красовались на площади села Никольскаго... Разомъ поднялось неслыханное пьянство: пьянство отъ бездѣлья, начинавшееся съ осени и тянувшееся вплоть до ярового сѣва,

пьянство дѣловое, неразрывно связанное съ каждымъ судьбою, или мірскимъ дѣломъ, будничное, праздничное, дневное, ночное, пьянство легендарное, о которомъ до нашихъ дней сохранилось между крестьянами самое живое воспоминаніе, пьянство, оставившее въ наслѣдство Никольской волости массу совершенно промотавшихся голышей и не имѣющее ничего общаго съ пьянствомъ нашего времени, противъ котораго такъ горячо ополчается общество и правительство. Само собою разумѣется, что это безшабашное и дикое пьянство, въ первое время вызванное новинкой, избыткомъ свободнаго времени и весьма понятной радостью, еще не остывшей послѣ освобожденія, главнымъ образомъ поддерживалось и развивалось, благодаря полнѣйшему равнодушію, если не поощренію со стороны лицъ, призванныхъ поучать народъ, или поставленныхъ наблюдать за порядкомъ и благоустройствомъ въ селеніяхъ. Волостныя правленія и сельскія власти подавали только примѣръ безобразнаго разгула и изодня въ день приучали крестьянъ къ добровольнымъ приношеніямъ водкой, между тѣмъ какъ большинство сельскихъ пастырей Никольской волости, за ничтожнымъ исключеніемъ, сами одержимы были несчастной слабостью, противъ которой должны бы были ратовать. Если же сообразить все это, то придется не только порицать, или злословить народъ, а скорѣе удивляться, что онъ окончательно не погибъ при такой невозможной, развращающей обстановкѣ.

Здѣсь мы могли бы представить дѣльный рядъ правдивыхъ картинъ, относящихся къ тому разгульному времени, но, не желая вызывать отталкивающія воспоминанія, мы ограничимся указаніемъ на то, что послѣдствіемъ дикаго разгула, охватившаго Никольскую волость, было распаденіе населенія на двѣ части, изъ коихъ первая и, разумѣется, значительно большая, продолжала свою трудовую жизнь, между тѣмъ какъ сравнительно ничтожное меньшинство, состоявшее изъ какого-то, никогда прежде невиданнаго, безпардоннаго народа, какъ будто существовало для того только, чтобы удивлять своихъ односельцевъ небывальными въ крестьянскомъ быту подвигами мотовства и разгула. Это былъ загулявшій народъ, постепенно привыкшій къ безпечной жизни, постепенно отстававшій отъ земли и черной мужацкой работы, не имѣвшій никакого опредѣленнаго занятія кромѣ пьянства, не имѣвшій гроша за душой и при всемъ этомъ всегда находившій средство продолжать оргію, если не на свой, такъ на чужой счетъ.

Итакъ, одни стояли на томъ, чтобы удивлять своей удалью,

а другіе, состоявшіе изъ коренныхъ хозяевъ, разыгрывали роль зрителей и все свободное время наполняли пересудами и толками о подвигахъ какого-нибудь Андрюшки Косого, или Трошки Блошенкова.

Справедливость требуетъ сказать, что то же самое явленіе, хотя и въ другой формѣ, замѣчалось и въ средѣ землевладѣльцевъ, совершенно отуманенныхъ и выбитыхъ изъ обычной колеи приливомъ никогда не бывшихъ въ рукахъ капиталовъ, полученныхъ изъ выкупныхъ учреждений. Вдругъ, неизвѣстно откуда, явилась потребность роскоши и комфорта, явилась особаго рода любознательность. Каждому захотѣлось всюду побывать, все видѣть и насладиться всѣми благами міра. Живо развернулись и преобразились провинціальныя барыни, на скорую руку слетавшія въ Парижъ, между тѣмъ какъ ихъ мужья и братья быстро усвоили себѣ приемы кавалеровъ Casino, Valentino, или Closerie de Lilas... Мигомъ народились и размножились въ глуши небывалые львы и львицы, спекуляторы, безстыднѣйшимъ образомъ выставявшіе свои аристократическія фамиліи на кабакахъ всего уѣзда, спекуляторши и великосвѣтскія Митрофаніи, строго порицавшія распущенность нравовъ и въ то же время всею душою преданныя кабачной спекуляціи, музыканты и музыкантши, литераторы и литераторши, замѣчательные пѣвцы и пѣвицы, даровитѣйшіе актеры и актрисы, отличавшіеся на вошедшихъ въ моду любительскихъ спектакляхъ; и вся эта, въ большинствѣ случаевъ разгульная, компанія, тотчасъ же завоевавшая городъ и пожалованная въ губернскую аристократію, скорѣе походила на веселый, безпечный артистическій кружокъ, нежели на общество землевладѣльцевъ, озабоченныхъ процвѣтаніемъ своихъ имѣній и преслѣдующихъ какія-либо серьезныя цѣли. Но въ то же время, какъ патріархальный и чинный городъ, съ длинными улицами, сплошь застроенными деревянными барскими хоромами, превращался въ уголокъ Парижа, небольшая часть помѣщиковъ стараго завала засѣла въ своихъ деревняхъ и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за тѣмъ, что совершалось въ Новомъ-Вавилонѣ, хватая налету и быстро распространяя между сосѣдами всякую новость и сплетню о такъ-называемой губернской аристократіи.

Великій переворотъ, то-есть освобожденіе крестьянъ, въ нѣкоторой степени отразился и на внѣшнемъ видѣ Никольской волости: съ одной стороны, мѣстность стала еще печальнѣе, такъ какъ мужики тотчасъ же истребили старыя помѣщичьи сады, вошедшіе въ составъ ихъ надѣловъ, но съ другой стороны, одно-

образная равнина нѣсколько оживилась почти одновременнымъ появленіемъ трехъ хуторовъ, или фермъ, какъ называли ихъ крестьяне.

Первымъ выселился въ поле ракитовскій управитель и на голой степи поставилъ избу, амбары и другія хозяйственныя заведенія. Устроивая хуторъ и прилаживаясь къ новымъ порядкамъ, неугомонный старикъ какъ будто не замѣчалъ, или не хотѣлъ знать упраздненіе крѣпостного права и такъ же точно, какъ въ старину, покрикивалъ на крестьянъ и неистовствовалъ при малѣйшемъ упущеніи. Почти одновременно выселился изъ села Никольскаго и солидный Степанъ Савельевичъ, продолжавшій завѣдывать имѣніемъ уже скончавшагося полковника Алхазова. Онъ пріютился около пруда и выстроилъ весьма правильно, но некрасиво расположенную усадьбу, живо напомиравшую хозяйственныя заведенія бывшихъ военныхъ поселеній. Водворившись на хуторѣ, Степанъ Савельевичъ тотчасъ же перенесъ туда и бывшіе порядки. Каждый вечеръ въ контору являлся сельскій староста, получавшій отъ имѣнія двѣ десятины въ полѣ, и вмѣстѣ съ хозяйственнымъ старостой ожидалъ приказаній... Въ извѣстный часъ выходилъ пунктуальный Степанъ Савельевичъ и назначалъ работы, а сельскій ходилъ по избамъ и наряжалъ на «барщину». Вмѣстѣ съ кончиной крутого полковника Алхазова и переселеніемъ на хуторъ, положеніе Степана Савельевича значительно измѣнилось къ лучшему. Наслѣдница села Никольскаго, дочь полковника, увеличила его содержаніе, а всѣ свои отношенія къ нему ограничила тѣмъ, что однажды въ годъ присылала свой петербургскій адресъ и въ краткихъ, но внушительныхъ выраженіяхъ требовала немедленной высылки денегъ. Какъ разъ въ это время сосѣдніе помѣщики и помѣщицы возмечтали о молотилкахъ и вѣялкахъ и, вспомнивши, что Степанъ Савельевичъ чему-то учился, то и дѣло обращались къ нему за совѣтами. Слава его росла не по днямъ, а по часамъ, и въ самомъ непродолжительномъ времени у большинства сосѣдей появились молотилки, устроенныя доморощеннымъ механикомъ. Машины пускаются въ ходъ, куски дерева или чугуна съ трескомъ летятъ въ голову рабочихъ, тѣ обращаются въ бѣгство, но это нисколько не мѣшаетъ Степану Савельевичу считать себя великимъ механикомъ-самоучкой. Онъ уже выписываетъ земледѣльческую газету, толкуетъ о рациональномъ хозяйствѣ, въ тайнѣ измѣняетъ жнею-молотилку, получаетъ благодарственное письмо отъ агрономическаго общества за модель нивуда негодной зерносушилки, вѣшаетъ его въ золотой рамѣ на стѣнѣ своего каби-

нета, ѣздить по работамъ не иначе, какъ въ тарантасѣ тройкой, и въ концѣ-концовъ начинаетъ болѣе походить на барина, нежели на скромнаго управляющаго.

Нѣсколько позднѣе выселился молодой помѣщикъ Карцевъ, заступившій мѣсто своего покойнаго отца и вовсе не попавшій, какъ ожидалъ несчастный отецъ, въ разрядъ пролетаріевъ и нищихъ. Цѣлый рядъ необычайно урожайныхъ годовъ помогъ молодому хозяину расплатиться съ отцовскими долгами и осуществить свою завѣтную думу о хуторѣ: точно волшебствомъ какимъ, не болѣе какъ въ два мѣсяца, на голомъ пустырьѣ, возлѣ повалившейся на бокъ мельницы, выросъ домикъ, съ одной стороны похожій на швейцарское шалѣ, съ другой—на ярославскую избу. Отъ домика вправо и влѣво потянулись заборы: на углу встала изба, за ней погреба, кладовыя и т. д. Противъ домика насажено нѣсколько тощихъ березокъ и липъ, а вокругъ пруда и мельницы набиты ветловые колья, и пустырь пересталъ быть пустыремъ. Такая метаморфоза приводила въ восторгъ новаго владѣльца, наслѣдовавшаго отъ своей воспитательницы тетки переходящую черезъ край впечатлительность—и когда ему случалось, въ ночное время подъѣзжать къ своему хутору, то онъ уже и не зналъ, что дѣлать—торопить ли запоздавшаго ямщика, или остановить его и любоваться привѣтливо мигавшими огоньками только-что возникшаго поселенія.

Восторженное настроеніе юнаго владѣльца тотчасъ же охладилось, какъ только пришлось искать годовыхъ работниковъ, такъ какъ, не смотря на хорошее жалованье—работчіе не находились.

— Что же это значитъ?—приставалъ юноша къ своему приказчику, изъ бывшихъ крѣпостныхъ.

— У всѣхъ одна отговорка,—обыкновенно отвѣчалъ крайне флегматичный и молчаливый Евлампій.

— Какая же?

— Скучно.

— Почему же скучно?—допрашивалъ баринъ.

— А кто ихъ знаетъ—скучно, и кончено дѣло,—въ сотый разъ повторяетъ Евлампій.

Наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ Евлампію удалось отыскать себѣ товарища въ образѣ 50-ти лѣтнаго вдовца, таковаго же молчаливаго, какимъ онъ былъ и самъ. По ночамъ забѣгали волки и, нерѣдко усѣвшись противъ уединеннаго хутора, поднимали такой концертъ, что благочестивый и робкій Евлампій, засвѣтивши лампаду, цѣлую ночь проводилъ въ бдѣніи и молитвѣ. Наступила зима, и однѣ только верхушки трубъ и крышъ

обличали существованіе возникшаго хутора, а молотильщики, ежедневно прїѣзжавшіе изъ деревни Большой-Цыльны, прежде чѣмъ приступить къ работѣ, должны были отрывать его обитателей.

Что же касается до остальныхъ землевладѣльцевъ Никольской волости, то они замѣтно прїободрились, благодаря постояннымъ урожаямъ, большому спросу на испольную землю и невыпению цѣнъ на рожь и овесъ. Всѣхъ находчивѣе и практичнѣе оказались помѣщцы, сгруппировавшіеся въ одномъ мѣстѣ, извѣстномъ подъ именемъ «бабяго угла», да кавказскій джигитъ Баявъ, въ одинъ мигъ превратившійся изъ героя и наѣздника въ величайшаго афериста и кулака, уже въ то время начинавшаго всячески приспособляться къ мужицкому карману. Что же касается до капитана Бачманова, то онъ продолжалъ оставаться въ городѣ, и все болѣе и болѣе входилъ въ роль неутомимаго, озлобленнаго, хотя и бездарнаго обличителя и корреспондента одной изъ сѣренскихъ газетъ. Онъ рѣшительно и на долгое время взялъ подъ прісмотръ все мѣстное общество, и то самое наслажденіе, которое получалъ и испытывалъ при экзекуціяхъ своихъ крестьянъ, замѣнилъ неусыпнымъ бичеваніемъ своихъ согражданъ, а особенно такъ-называемыхъ либераловъ и красныхъ того времени. Мало измѣнилось положеніе управителя деревни Волковки, продолжавшаго щеголять пристяжными, но въ то же время, въ тихомолку, начинавшаго пить горькую. Бывшій становой приставъ Хапковъ получилъ нѣсколько тысячъ выкупныхъ и съ радости, не зная что съ ними дѣлать, принялся покупать всякія ненужныя и дорогія вещи... Онъ покупалъ все, что попадалось на глаза: ружье съ золотой насѣчкой, турецкіе пистолеты, серебряный сервизъ, вѣнскую коляску, породистаго водолаза, кровнаго рысака и вскорѣ остался безъ гроша, въ то же время обладая массой ненужныхъ вещей. Такъ же быстро распорядились выкупными и братья Лихачевы: они устроили свое хлѣбосольство, вступили въ открытое соперничество съ аристократіей, вновь народившейся послѣ освобожденія крестьянъ, а весьма миловидная, но очень простоватая супруга одного изъ нихъ, мать многочисленнаго семейства, вихремъ слетала въ Парижъ за нарядами, напавалъ убила царицу губернскихъ баловъ и въ теченіе цѣлаго сезона блистала на ея мѣстѣ.

В. НАЗАРЬЕВЪ.

